

Алла Ларина

Витаминка
для доктора
Спаси(не)свою дочь

Настоящие мужчины (читаются отдельно)

Алла Ларина

**Витаминка для доктора.
Спаси (не)свою дочь**

«Автор»

2026

Ларина А.

Витаминка для доктора. Спаси (не)свою дочь / А. Ларина —
«Автор», 2026 — (Настоящие мужчины (читаются отдельно))

Откуда посторонние в моём отделении? Присаживаюсь перед крохой, неизвестно откуда взявшейся здесь. Ты кто такая малышка? Сердце сжимается, старательно отгоняю мысли о собственной дочери, которую не могу увидеть уже два года. "Вита! Вита, куда ты ушла?!" – встревоженный голос бьёт по ушам. Поворачиваюсь и на секунду зажимаюсь, не веря своим глазам. *

* * На моём попечении внезапно оказалась крошечная девочка и её мама, которая по какой-то невероятной причине очень похожа на мою жену. Похожа так, что кулаки невольно сжимаются, а во рту появляется горький привкус... ненависти. И им нужна помощь, которую могу дать только я. Вот только... всё ли так просто?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Витаминка для доктора. Спаси (не)свою дочь

Глава 1

– Мама здесь, мама здесь, моя хорошая, – помогаю вставшей на ножки хнычущей девочке, вытаскиваю её из кровати, прижимаю к себе.

В этом старом деревенском доме всё не приспособлено для ребёнка. Всё неудобно. Но зато это место отлично подходит для того, что я задумала.

Даже хорошо, что Виталина проснулась сама. Не придётся её будить. Всё будет выглядеть ещё более естественно.

– Пойдём, моя хорошая, – сглотнув, перехожу вместе с ней в кухню.

– Мама? Па-ать хочу... – зевает Вита, трёт кулачками глазёнки.

– Знаю, милая, знаю, – киваю ей. – Мы с тобой сейчас оденемся, ты ляжешь в коляску, и я тебя покатаю на улице, хорошо? Там будет легче спать, на свежем воздухе...

– А ко-ватка? – малышка чуть ли не с закрытыми глазами протягивает ручки, пока я натягиваю её комбинезон прямо на пижаму. Подумав, откладываю в сторону детские шерстяные носочки.

Я бы не успела их взять. Нет. Всё должно выглядеть так, словно мы выскочили отсюда, в чём были.

– А в кровати потом поспим, не волнуйся, – меня потряхивает от страха, но больше от того, что что-то может пойти не так.

Господи, только бы получилось... Только бы никто ничего не заподозрил!

Выношу сонную Виту на крыльцо, усаживаю её в старую коляску, опускаю спинку, и девочка, причмокивая, закрывает глаза.

Критически осматриваю себя. Сапоги на босу ногу. Плотная ночнушка. Длинное накинутое сверху пальто. Пойдёт.

– Я сейчас вернусь, моя хорошая, – покачав коляску с уже задрёмывающей Виталиной, проскальзываю обратно в дом.

И выбегаю оттуда спустя несколько минут.

– Идём! Идём скорее! – шепчу, стаскивая коляску с крыльца, оглядываюсь вокруг, но здесь, на окраине города в частном секторе всё тихо.

Встав под деревом, остановившимся взглядом смотрю на дом, на приоткрытое окно, из которого начинает клубами вырываться дым.

И только когда пламя разгорается, охватив большую часть кухни, достаю из кармана мобильный.

Мне даже не приходится накручивать себя.

Меня и так трясёт.

– Помогите! – выкрикиваю в телефон, стоит только человеку на том конце поднять трубку. – Помогите, пожалуйста! У нас пожар, дом горит!

Глава 2

Женщина-диспетчер подробно выясняет у меня адрес, уточняет, остаётся ли кто-то в горящем здании, на что я, всхлипывая и дрожа больше от нервов, отвечаю, что выбежала с дочкой из дома, как только почувствовала запах дыма.

– Вы всё сделали правильно, вы молодец! – диспетчер, кажется, даже проникается ко мне сочувствием, отчего меня сразу начинает глотать чувство вины.

Безжалостно задавливаю его в себе.

Я научилась. Жизнь научила.

Никому я ничего не должна! Кроме Виталины.

Все остальные могут идти к чёрту!

– Пожарная бригада уже выехала к вам, – сообщает мне диспетчер. – Не покидайте место пожара и будьте на связи.

– Конечно, – мелко киваю и отключаюсь.

Жар от полыхающего дома достигает даже нашего с Витой места, поэтому осторожно перетаскиваю коляску ещё подальше, вставая возле покосившегося забора.

Бездумно покачиваю спящую девочку, прокручивая в голове порядок действий.

Мне нужно успокоиться, чтобы сыграть свою роль убедительно.

Я ничего не забыла. Всё предусмотрела.

Я справлюсь.

У меня есть только один шанс.

У Виты есть только один шанс!

И я его не упущу.

Начинаю кашлять, заставляя себя сдирать горло. Все же знают – с кашлем только начни, потом остановиться на сможешь.

Сирены я слышу задолго до того, как машина сворачивает в наш переулок.

Стоит пожарным доехать до места и остановиться, как вокруг сразу становится шумно. Виталина негромко хнычет в коляске, но, видимо, слишком хочет спать – и засыпает обратно, стоит мне покатаť её туда-сюда.

– Вы как? – ко мне подбегает один из мужчин в защитном костюме.

– Н-нормально, – сейчас, когда рядом есть люди, у меня зуб на зуб не попадает.

– Идёмте, – пожарный провожает меня к машине, помогает подкатить коляску, усаживает, накидывает на плечи какую-то шуршащую штуку. – Согреетесь, – объясняет, кивая на накидку, напоминающую фольгу. – Сейчас скорая тоже должна подъехать, помогут вам. Вы не ранены? Дымом надышались? В горле першит? А ребёнок?

– Н-нет-н-нет, с ребёнком всё в п-порядке, – качаю головой. – Мы... Я выбежала почти сразу... Почувствовала гарь, схватила дочку... Испугалась очень. Наверное, тогда глотнула дыма, – снова кашляю, сейчас, с сорванным горлом, это выходит естественно.

– Понимаю. Вы всё сделали, как надо, – кивает мужчина, оборачивается к одному из своих коллег. – Глеб, ну что там?

– Догла, – качает тот головой. – Дом старый. Дерево сухое. Как спичка сгорел.

– У меня там всё... – всхлипываю, раскачиваясь взад-вперёд. – Всё... вещи, документы... мои и дочери.

– Эй-эй, – первый из мужчин осторожно кладёт мне руку на плечо, сжимает. – Главное, никто не пострадал. Все живы – это основное. Документы восстановите, всё сделаете...

– Дочку должны были класть в больницу, – хриплю, кашляю, мотаю головой. – У нас времени нет... А без документов...

– Сколько ей? – мрачнеет пожарный. – Что-то серьёзное?

– Три... почти, – вытираю глаза, делаю глубокий вдох, заставляя себя успокоиться. – Не смертельное, если вы об этом. Но серьёзное, да. Нужно сделать операцию до трёх лет. У неё проблемы с тазобедренными суставами. Может остаться хромой. Извините, вывалила на вас всё, – качаю головой.

– Не извиняйтесь, у меня у самого дочь, – он задумчиво смотрит на спящую Виту. – Почти как ваша по возрасту.

Кидаю на него взгляд. Высоченный, мускулистый... а лицо доброе, и на ребёнка смотрит ласково. Повезло его жене. Вздохнув ещё раз, снова откашливаюсь и подтягиваю поближе к себе коляску.

На дороге слышится шум ещё одной машины. Скорая приехала. Ко мне с девочкой подходит фельдшер, кивает пожарному, продолжающему стоять возле меня – видимо, знакомы, может быть, пересекались раньше.

Меня осматривают. Кроме сорванного горла и кашля ничего не обнаруживают, естественно. Фельдшер задумчиво потирает подбородок.

– Оснований для госпитализации вообще-то нет, – разводит руками, оглядывается на чернеющий остов дома. – Но вы же не останетесь здесь...

– Нам с дочерью завтра нужно было ехать к врачу, – незаметно скрещиваю пальцы. – Ей назначен приём. И вообще-то в её ситуации положена госпитализация. Может быть... я не знаю, если это возможно... Может, вы сможете отвезти нас в ту больницу? Мы там хотя бы в приёмном покое сможем подождать...

Называю клинику, но фельдшер качает головой.

– Вы извините, я не могу вести вас куда-то по заказу, – хмурится. – Тем более в детскую больницу. Мне надо у диспетчера запроситься, что они скажут.

– А-а, – сникаю, но тут в разговор снова вступает тот пожарный, который был со мной и в последние минуты отвлёкся на какой-то вопрос коллеги.

– Стас, слушай, а если общую запросить? Может, к Спасскому отвезёшь их? Я ему позвоню, предупрежу, он сегодня дежурный, точно знаю. Сам поеду туда после смены! Ну не дело девушку оставлять так. И везти куда-то в левое место – как они потом до нужного добираться будут.

– Вечно ты спаситель всех угнетённых, Огнев, – ворчит фельдшер вполголоса, но я различаю. – А прилетает потом по шапке всем остальным.

– А кто это – Спасский? – перевожу взгляд с одного мужчины на другого.

– Спасский, Александр Сергеевич, хирург, заведующий хирургическим отделением в больнице, – пожарный называет место, и я округляю глаза.

Ничего себе!

Правда, я с некоторых пор с предубеждением отношусь к мужчинам с именем Александр... Но это меня волнует сейчас меньше всего.

– Единственное, – пожарный с сомнением смотрит на девочку, – у него... с детьми, э-э-э, ну... Ладно, неважно. Сейчас позвоню ему!

Глава 3

Александр

– Александр Сергеевич, тут вот вам на подпись... – ко мне подбегает один из врачей отделения.

– Давайте, – быстро достаю из кармана ручку, проглядываю документ и расписываюсь.

– Вы подойдёте в приёмный? Позвонили, скорая везёт ножевое...

– Подойду, пять минут, – киваю.

Всё как всегда. Если заведующий на месте, то его будут дёргать по любому поводу, и неважно, сколько сейчас времени, ночь на дворе или день. Потому что в случае чего отвечать за всё, естественно, тоже будет заведующий.

И хоть работу я выбирал по призванию, в последние два с половиной года всё изменилось.

Потому что до развода моим направлением была детская хирургия. А потом... я плюнул на всё, пошёл на все сложности, связанные со сменой специальности, прошёл переквалификацию и стал хирургом общего профиля.

Работать с детьми было слишком тяжело.

После того как Есения, обвинив меня во всех грехах, добилась решения суда и увезла нашу трёхмесячную дочь в неизвестном направлении, я просто не мог продолжать оперировать детей.

– Александр Сергеевич, мы вас ждём!

– Иду.

Быстро захожу к себе в кабинет, бросаю на стол планшет и стопку бумаг, накидываю на хирургическую пижаму халат и уже собираюсь выходить обратно в коридор, когда на столе выбирает оставленный мобильный. Помедлив секунду, всё-таки беру.

– Слушаю, Игнат! Ты поймал меня одной ногой за дверь, быстро говори, что?

– Сань, просьба к тебе, – голос друга доносится сквозь шум, он сегодня на дежурстве, видимо, на пожар выехали. – Примешь погорельцев? Им завтра надо было в больницу, а сегодня полыхнуло и сгорело всё нахрен, включая документы.

– В какую больницу, кому было надо и что с ними сейчас? – всё-таки выхожу из кабинета, разговаривая на ходу.

– Ну-у... тут, в общем, девушка, кашляет, дымом надышалась похоже, но не сильно, в сознании и адекватная.

– Огнев, давай без экивоков, а то у меня минута осталась, – уже подхожу к приёмному.

– Короче, она с дочкой, – со вздохом выдаёт Игнат. – Три года примерно. Девочку должны были положить в хирургию, что-то там с суставами.

Торможу, словно налетев на стену.

Да вы издеваетесь?!

– Саш, я же не прошу тебя её оперировать, – успокаивающе говорит друг, моментально поняв моё молчание. – У них даже сменной одежды нет. Она тут врачу скорой клинику называла, но насколько я понял, хрен туда возьмут ребёнка без документов и не в экстренном состоянии. Ну посмотри ты её?

Совесть не вовремя напоминает о себе.

– Посмотреть не могу, – всё-таки выдавливаю в ответ. – Не имею права. Я не детский хирург!

– Саш, мне не надо вот это вот в уши лить, окей? – в голосе друга одновременно сочувствие и настойчивость. – Я всё помню. И не прошу от тебя чего-то запредельного.

Ему легко говорить. Он свою дочь нашёл... вместе с любимой женщиной. Да вот только о её существовании Игнат и не подозревал, пока с ней не встретился. А я знаю.

Знаю, что моей дочке через два месяца будет три года.

И всё...

Я не знаю, какая она.

Как она выглядит? Какого цвета у неё глаза? У детей оттенок определяется только к полугоду, а я к тому времени уже несколько месяцев понятия не имел, где она.

Она бежит и разговаривает... Её болтовню уже можно понять? Или половину букв не разберёшь?

Разбивала она коленки? Набивала шишки на лбу?

Ничего. Ни-че-го, я ничего о ней не знаю.

Я всё пропустил.

Из-за твари, которая возомнила, что имеет право распоряжаться жизнью дочери и моей. Решать, можно нам общаться или нет.

– Спасский! – голос в телефоне. – Ты там завис?

– Да... нет, – с усилием отлипаю от стены, к которой прислонился. – Ладно. Смотреть девочку я не буду. Но они могут приехать сюда. Я... выясню, что там у них, и если смогу – помогу с устройством в детскую хирургию.

– Спасибо, друг, – Игнат отключается, а я, посмотрев на погасший экран мобильного, сую его в карман и иду в приёмный.

К счастью, долго задумываться о разговоре мне не приходится. По одной скорой привозят ножевое, не успеваем мы выйти из операционной, как поступает острый аппендицит с перитонитом, потом я, вымотавшись, падаю у себя в кабинете на диван, чтобы поспать хоть пару часов.

Просыпаюсь ещё в темноте и, поплескав в лицо холодной водой, выхожу в отделение.

Хирургия, конечно, никогда не спит, но всё-таки время перед рассветом – не тот период, когда по коридорам носятся взад-вперёд. Поэтому, услышав неуверенные шаги, хмурюсь. Что там такое? Кому-то из больных приспичило прогуляться до туалета?

Сворачиваю в боковой коридор и замираю, увидев... девочку!

Девочку, лет трёх, в расстёгнутом детском комбинезончике!

Какого... откуда у меня в отделении ребёнок без матери?! Или маму в приёмном осматривают, а малышка в суматохе ушла? Тогда странно, что её не ищут.

Сердце в очередной раз, как и всегда при виде ребёнка, сжимает тисками, но я не обращаю на это внимания. Подхожу ближе, и девочка, заслышав звук моих шагов, оборачивается.

Надо же, не боится, смотрит с любопытством.

Тут у меня в голове всплывает наконец разговор с Игнатом. Видимо, это те «погорельцы». И девочка, которой требуется хирургическая помощь. Интересно, что за патология?

Нет! Нет, Спасский, даже не думай! Не интересно и тебя не касается!

Да и вопрос, куда делась нерадивая мамаша, остаётся открытым.

– Привет, как тебя зовут? – задавив в себе эмоции, присаживаюсь перед крохой.

– Витамина! – выдаёт маленькая пациентка, немножко коверкая звук «л», и я вздрагиваю.

Когда это прекратится?! Хватит уже видеть свою дочь во всех детях вокруг! Витамина – не такое уж редкое имя. Сейчас детей как только не называют.

– Вита! Вита, куда ты ушла?! – встревоженный голос бьёт по ушам, торопливые шаги.

О, вот и мамаша объявилась.

Встаю, поворачиваюсь и на секунду замуриваюсь, не веря своим глазам.

Не может этого быть!

– Есения?! –

– Прошу прощения? – девушка подхватывает ребёнка на руки, отступает на шаг, подозрительно глядя на меня. – Меня зовут Евгения! Вы ошиблись!

– Извините, – я уже вижу, что перепутал.

Нет, это не моя бывшая жена. Но очень похожа! Похожа так, что кулаки невольно сжимаются, а во рту появляется горький привкус ненависти.

Перевожу взгляд на малышку. Снова на её маму.

Что за чёрт?..

Нет, они похожи, естественно. Да и в таком возрасте не различишь. Но...

Нет. У меня просто окончательно поехала крыша.

– Вы почему оставляете ребёнка без присмотра?! – цежу сквозь зубы.

– Я не оставляла! – оправдывается девушка. – Мне в туалет понадобилось, на секундочку. Я же живой человек! А Вита... И вообще, вы почему сразу на меня рычите?! – словно внезапно взяв себя в руки, расправляет худенькие плечи, решительно вскидывает подбородок.

– Потому что пока вы в моём отделении, вы должны соблюдать мои правила! – отрубая резче, чем собирался.

– В вашем... ой! – она густо краснеет, закусывает губу. – Так это вы... Спасский, да? Александр Сергеевич?

– Я, – прищуриваюсь, глядя на неё, а затем неожиданно даже для себя самого командую: – Ко мне в кабинет! Живо!

Глава 4

Евгения

Перехватив Виту поудобнее, понуро иду за мужчиной.

Это ж надо было так накосячить?!

Мне ведь нужна его помощь, а я выступать вздумала... Правда, я не предполагала, что это светило медицины будет здесь ночью, да ещё в таком виде – какой-то лохматый, невыспавшийся, уставший...

Фыркаю про себя, подумав, что я и сама сейчас не красотка – глаза ввалились от недосыпа, лицо наверняка бледное, волосы растрёпанные, да ещё и в дурацкой ночнушке и пальто поверх. С другой стороны, не всё ли равно? Мне главное, чтоб мой план сработал! Так что чем хуже я выгляжу – тем лучше!

– Солнышко, не вертись, пожалуйста, – прошу вполголоса Виту, которой надоело сидеть у меня на руках, и она хочет слезть. – Потерпи немного.

– Мама, ножками! – девочка упирается мне в грудь руками.

Ещё и капризничает сейчас, потому что режим, естественно, я ей сегодня сбила. Вот и проснулся ребёнок чуть не в четыре часа утра...

– Не надо ножками, дорогая, – прошу её. – Вот, мы уже почти пришли!

Мужчина, всё это время шедший впереди широкими шагами, явно не собираясь нас дожидаться, открывает одну из дверей. Молча протягивает руку, указывая на вход.

Проскальзываю внутрь и останавливаюсь – лёгкий хлопок дверной створки за спиной заставляет вздрогнуть, словно я в ловушке оказалась.

– Садитесь, я вас слушаю, – немного раздражённо говорит Спасский.

– Эм-м, в каком смысле? – теряюсь, опускаясь вместе с Витой на стул возле стола, за которым устроился мужчина.

– Что значит в каком? – теперь в его голосе слышится даже какая-то злость. – Что с ребёнком? Какая надобность в госпитализации?

– Ах, ну да, – торопливо киваю, параллельно ловя Виту, которая слезает с моих колен. – Видите ли... у нас, точнее, у Виталины дисплазия тазобедренных суставов.

Когда произношу имя девочки, на секунду кажется, что мужчина дёргается, но решаю, что мне просто примерещилось от усталости.

– Дисплазия?! – он хмурится. – Ей... сколько сейчас?

– Почти три года, – отвечаю тише, потому что понимаю, что он сейчас скажет.

И оказываюсь права...

– Так где вы были два с лишним года назад?! – цедит доктор. – Дисплазию прекрасно определяют в раннем возрасте! И она лечится без операции, пока ребёнку не исполняется год, длительным ношением специального устройства на ногах!

– Нам... не определили... – шепчу, потому что сказать мне нечего.

– Что значит – вам не определили?! – он явно заводится. – Или вы из тех идиоток, которые считают, что ребёнку нельзя делать плановое УЗИ, потому что оно якобы вредит?! Любой специалист увидел бы на осмотре, что у девочки есть проблема! Вы просто не посещали вовремя нужных врачей, так ведь? Знаете, сколько я видел таких мамаш на своём веку?! Которые дотягивали до последнего, потому что им было плевать!

– Не смейте меня оскорблять! – голос у меня дрожит, на глаза наворачиваются слёзы, я резко встаю, прижимая к себе притихшую Виту. – Не смейте! Вы вообще ничего не знаете! Как бы я могла узнать, что что-то не в порядке, если...

Застываю с открытым ртом, хватанув воздуха, едва не ляпнув... непоправимое.
Мужчина сверлит меня взглядом и молчит.

– Мы жили в другом месте, – говорю тихо и зло. – В глухой провинции. У нас не было нужных врачей. Один-единственный фельдшерский пункт на всю округу.

И старенькая фельдшер тётя Валя, которая всё это время помогала мне.

Которая всё знала про нас с девочкой. Которая ухитрилась помочь и отправить Виту на осмотр к педиатру, своей знакомой, согласившейся принять нас без документов, когда стало понятно, что мы что-то упускаем.

Тётя Валя же, после того как педиатр сказала, что нужно срочно что-то решать, отдала мне ключи от дома её давно умершей родственницы под столицей.

Дома, который я сожгла.

Естественно, всё это я рассказать не могу.

Иначе Виту заберут у меня.

Выяснят всё и заберут.

– Сядьте, – резко командует врач, нарушив молчание. – И не разводите сырость. Давайте сюда девочку.

– З-зачем?!

– Посмотрю её, – мужчина глубоко вздыхает.

– Но вы же... – смотрю на него растерянно. – Вы разве детский врач? Простите, я просто... мне сказали... тот пожарный, он сказал, что вы заведующий отделением и можете помочь...

– Именно это я и пытаюсь сделать, – цедит он сквозь зубы хмуро.

– Да, конечно, – нервно дёрнувшись, поднимаюсь, уговариваю Виту снять комбинезончик, оставляя девочку в одной пижамке.

– Не бойся, – его голос, когда он обращается к девочке, становится мягче, хоть и остаётся каким-то сдавленным. – Я посмотрю твои ножки, больно делать не буду. – протягивает ей руку, и Вита доверчиво вцепляется ему в пальцы.

Нахмурившись, смотрю, как мужчина сильнее сжимает челюсти.

Станный он... очень странный.

– Как проходили роды? – слышу вопрос и замираю. – С каким весом родился ребёнок? Осложнения были?

И что мне отвечать, если я... понятия не имею?!

Глава 5

Евгения

– М-м, – тяну время, отчаянно вороша свою память.

Что-то ведь я помню...

– Роды... прошли нормально, – выдаю наконец. – Осложнений не было, она родилась сама. Вес... я сейчас точно не помню. Около трёх килограммов, – кусаю губы, и врач кидает на меня странный взгляд.

Мне, из-за нервов, кажется, что он уже всё понял. Или не понял, но догадывается. Наверняка что-то подозревает!

– Выписки, медицинская и прививочная карты, что-то у вас есть? – задаёт очередной вопрос.

– У нас даже свидетельства о рождении теперь нет, – выдыхаю почти шёпотом. – Всё было в доме... всё сгорело.

Невольно всхлипнув, отворачиваюсь.

Я даже не играю. Горло до сих пор дерёт, в носу щиплет.

Как я устала... господи, как я устала!

Вита, конечно, моё маленькое счастье. И больше всего я боюсь, что у меня могут её забрать. Но я совсем одна с ней. Никакой помощи, ничего...

А всё из-за того, что кому-то приспичило жить свою свободную жизнь без ребёнка!

– Успокойтесь, – голос врача за моей спиной звучит твёрдо, но как будто чуть более сочувственно. – Вы живы – это главное. Всё можно постепенно восстановить. Ежемесячный осмотр в течение первого года жизни девочки проводили? На плановом осмотре педиатр должен был заметить, что с ножками что-то не то, это легко определяется визуально. Вам должны были назначить УЗИ, всем детям делают его в месячном возрасте или чуть позже.

– Делали, – незаметно скрещиваю пальцы за спиной. – Врач не увидел ничего необычного. Дело в том, что мы... жили в глубинке. Я ездила в районный центр специально. Но когда мне сказали, что всё в порядке, то Виту дальше осматривал только наш фельдшер. У меня... не было возможности ездить с ребёнком в крупный город постоянно.

Спасский тем временем, закончив осмотр и спустив девочку на пол, где она тут же топает ко мне, задумчиво потирает подбородок.

– Иногда... крайне редко, конечно... бывает, что эта патология выявляется позднее, – качает головой. – Но чаще всего виноват оказывается человеческий фактор.

– Что нам делать? – наклонившись, поднимаю Виту на руки и морщусь – последнее время у меня побаливает спина.

Малышка выросла, и мне уже не так легко постоянно носить её на себе.

– Точный возраст ребёнка назовите, – доктор снова отходит к своему столу, достаёт какой-то бланк.

Помедлив, говорю дату рождения.

Я ещё когда продумывала всё это, решила, что и здесь придётся немного соврать. Пару дней погоды не сделают.

Замечаю, как мужчина, услышав меня, утыкается остановившимся взглядом в бумаги. Но почти сразу, мотнув головой, начинает писать.

– Мне сказали, что на операцию ребёнка могут взять только до трёх лет, – произношу торопливо. – Вот мы и... торопились.

– Дело не только в возрасте, – качает головой Александр Сергеевич. – Возраст называется, так как по нему проще всего ориентироваться. В операциях на суставы важны рост, вес и другие показатели. А у вас, – оценивающе смотрит на Виталину, – довольно крупная девочка.

– Я не кйупная! – внезапно выдаёт молчавшая до этого момента Виталина. – Я майенькая!

– Разумеется, – мы оба невольно улыбаемся на это возмущение.

– Конечно, дорогая, ты у меня самая лучшая! – шепчу малышке на ухо.

Спасский прекращает улыбаться, вздыхает.

– Боюсь, у вас практически не осталось времени, – качает головой. – Сейчас ваша задача – максимально быстро восстановить основные документы. Где вы получали свидетельство о рождении? В ЗАГСе повторное делают в день обращения! Одновременно с этим нужно запросить выписки из роддома и детской поликлиники, где девочке делали анализы и УЗИ.

У меня холодеют руки, в солнечном сплетении сжимается.

Свидетельство о рождении...

Главный камень преткновения.

По нему я Вите... никто. И не смогу доказать обратное.

Её отберут.

– Я... не могу, – шепчу хрипло. – Мы... я... мы потратили все деньги, чтобы добраться сюда. Остальное сгорело. Мои документы... Я даже билет на поезд не смогу купить. Мне не с кем оставить Виту, у нас никого нет!

– С какой больницей вы договаривались о приёме? – пристально смотрит на меня доктор.

– Вы должны были посылать туда врачу хотя бы выписки!

– Я...

Не знаю, что говорить.

Мой план рассыпается на части.

Я понимала, что сложности будут. Но не могла предположить, что всё настолько серьёзно!

Вот что значит совершенно не иметь опыта во всех этих бумажных и прочих делах...

– Я не посылала, – выдавливаю наконец. – Я... просто позвонила в клинику и записалась к врачу. К хирургу-ортопеду.

– Вы серьёзно?! – мужчина смотрит на меня растерянно. – Вы в каком мире розовых пони жили вообще до сих пор?!

Господи, ну как мне было догадаться?! Если у нас до сих пор в магазине, единственном на весь посёлок, тётя Маша записывает долг за купленное молоко в тетраточку?

– В нашей стране я жила! – выпаливаю сквозь слёзы. – Не всем жить в столицах! Откуда мне было вообще знать?!

Спасский что-то неразборчиво бурчит себе под нос – похоже, что-то крайне непечатное.

– Так, ладно, – наконец приходит к какому-то решению. – Я... – глубокий вздох, – ... помогу. Дадите мне все данные, какие помните. Я свяжусь с коллегами. Официальным путём всё будет идти очень долго. Пока будем ждать ваши документы, сдадите все анализы. УЗИ девочке тоже сделаем.

– Спасибо! – выдыхаю, не веря своим ушам.

Неужели... что-то получится?

Но меня быстро спускают с небес на землю.

– Не благодарите, – отрезает он. – И кстати, вам тоже нужно будет сдать кровь на анализ.

Глава 6

Евгения

Кусаю уже и без того обкусанные губы, но соглашаюсь.

Во-первых, если я сейчас откажусь, он точно начнёт что-то подозревать.

Во-вторых, ничего же страшного не будет. Это не тест ДНК, на него ещё согласие надо, я знаю, что без согласия мамы тест сделать не могут.

Оно, конечно, если врач захочет его сделать... ну, тайно... то противостоять ему я никак не смогу.

Но с чего бы ему этого хотеть?

– Да, конечно, я сделаю всё что нужно, – киваю, соглашаясь.

– Отлично, – Спасский кивает, отодвигает одну бумажку, не глядя вытаскивает из другой стопки другую, начинает заполнять уже её. – Это направления, – поясняет, не отвлекаясь. – Полное имя девочки и ваше назовите.

– Конечно, – торопливо перехватываю Виту, которая освоилась, перестала нервничать и теперь хочет сбежать от меня. – Виталина Евгеньевна и Евгения Витальевна... Фамилия Иванова.

Да, раз уж врать – то врать по-крупному. Моё имя в качестве отчества подходило девочке идеально. Поджимаю губы. Уж точно лучше, чем ненавистное «Александровна».

Потому что отец, который выгнал мать с ребёнком, какая бы стерва она ни была, не заслуживал того, чтобы его имя стояло рядом с именем его дочки!

Вздыхаю украдкой. Нельзя переносить нелюбовь к имени на конкретных людей. Это вообще глупость, что имя может управлять человеком. Вот Спасский... тоже ведь Александр, да ещё и тёзка «нашего всего», Александр Сергеевич. Но хороший же человек.

То есть, поначалу-то мне так не показалось, но теперь вижу, что хороший. Впрягся во всё это, помогает... А мог бы послать и ничего не делать, он же не обязан. Хотя мне только-только исполнилось двадцать пять, но я давно поняла, что ждать хорошего от большинства людей не приходится... даже если они твои кровные родственники.

Пока отстранённо и немного рассеянно кручу в голове все эти мысли, а Спасский заполняет бумаги, Вита, воспользовавшись моментом, таки слезает с моих рук, а потом неожиданно дёргается вперёд, и я не успеваю её удержать.

– Мама, дядя! – резво отходит на пару шагов, цепляется за стол, тычет пальчиком в замершего и уставившегося на ребёнка врача.

– Да, малышка, дядя доктор, не отвлекай его, пожалуйста! – подскакиваю, чтобы её поймать, но Виталина уже обходит стол и встаёт прямо перед мужчиной.

– Простите, – ловлю девочку за руку.

– Дядя доктой!

– Правильно, дядя доктор, он работает, – тяну Виту к себе, но Александр Сергеевич вдруг тихо просит: – Оставьте. Всё в порядке.

– Ой, нет, вы её не знаете! – качаю головой. – Это такая шкода... стоит только отвернуться!

– Вот как, – на его губах появляется странная, какая-то... болезненная, я бы даже сказала горькая улыбка. – Ты любишь навести беспорядок, да?

Вита склоняет голову набок, вслушиваясь в его слова, а потом широко улыбается во все свои зубки.

– Да! Йюбйю!

– Зато честно, – Спасский устало усмехается, качает головой.

Затем протягивает мне небольшую стопочку бумаг.

– Оставайтесь пока в отделении. Я дам распоряжение насчёт вас. Эти направления отдайте медсестре, которая придёт брать анализы. Но, – поднимает палец вверх, – по коридорам не бегаем, не отвесчиваем, сидим в палате!

– Это нарушение, да? – спрашиваю тихо, виновато глядя на мужчину. – Простите... От нас неприятности, я знаю... простите, пожалуйста.

– Не извиняйтесь, – он морщится. – Раз уж вы здесь, я не могу просто выгнать вас на улицу. Так что просто не маячьте у меня перед глазами!

– Хорошо, – киваю, но вижу, что несмотря на достаточно грубые слова и недовольное выражение на лице, он, кажется, действительно, по-настоящему хороший человек и хочет помочь.

И поэтому не могу сдерживать благодарной улыбки.

Важны ведь не слова, а дела!

Спасский на секунду останавливается на моём лице и неожиданно слегка кривится, да так, что улыбка застывает у меня на губах.

Словно я напомнила ему что-то крайне неприятное.

Отвожу глаза. Нет уж. Лучше от всех держаться подальше. Принять ту помощь, которую нам готовы оказать. Быть благодарной и признательной. Но на глаза действительно не показываться.

Следующий день так и проходит. Тихо и спокойно. Спасский не появляется с того момента, как поручил одной из медсестёр поселить нас в дальнюю палату, находящуюся в одном из боковых коридоров.

Еду нам с Витой приносят прямо туда. Мне даже находят сменную одежду – врачебную пижаму. Медсестра успевает взять анализы и у меня, и у Виты – да так легко, что девочка почти не плачет. Женщина говорит, что все результаты будут завтра с утра, тогда и УЗИ можно будет сделать.

Виталине, правда, скучно. Девочка всё время рвётся из палаты, но я всеми способами отвлекаю её и не даю никуда выходить. К счастью, в палате откуда-то есть несколько цветных карандашей и бумага – словно кто-то принёс их сюда ещё до нашего прихода. Надеюсь, мне не влетит за то, что я их беру, но с ними хотя бы получается занять малышку.

К концу дня я уже вымотана до предела и с нетерпением жду, когда Вита заснёт. К счастью, ребёнок, уставший из-за сбитого режима, отрубается в девять вечера.

И только тогда я достаю из кармана пальто мобильный.

Открываю чат в мессенджере и задумываюсь, что бы написать.

В конце концов, набиваю несколько предложений, закрываю окно сообщений и вздыхаю.

Каких только посланий там не было. И злых, и умоляющих, и обвиняющих... а сейчас уже просто информативных. Не уверена, что их читают. Галочки в углу сообщений ни разу не стали синими. Но я продолжаю считать это своей обязанностью.

А с утра вся моя жизнь летит к чёрту.

Потому что глаза зашедшего с утра в нашу палату Спасского мечут молнии.

Я даже не успеваю испугаться, когда врач находит меня взглядом, приподнимает папку, которую держит в руках.

– Ты не её мать, так?! Ты не мать Виталины!

Сердце у меня останавливается.

– Ч-что? – выдавливаю из себя неслышно.

– Отвечай! – мужчина прищуривается. – Правду говори мне!

Глава 7

Евгения

Что у него в папке?!

Что там?! Неужели пришёл какой-то запрос? Что-то с документами?! Так быстро?

Губы у меня не шевелятся, словно замороженные, ноги трясутся, руки тоже, но я заставляю себя стоять прямо.

– Я не понимаю, о чём вы... – выговариваю кое-как.

– Не делай из меня идиота, Евгения! – Спасский открывает папку, и я вижу... какие-то результаты, судя по всему, медицинские.

Он же не мог сделать генетический тест?!

– Знаешь, что это? – показывает мне, и я качаю головой, умиряя дрожь в теле. – Это результаты анализов крови, Евгения. Твои и малышки.

Молчу, изо всех сил прикусив язык.

Кажется, это называется – «уйти в глухую несознанку». Я в каком-то полицейском сериале видела.

Не дождавшись от меня никакой внятной реакции, врач продолжает:

– У тебя первая группа крови, Евгения.

– Вот как, – выдаю срывающимся голосом.

– А ты не знала? – он криво и зло усмехается. – Должна была знать, если бы рожала этого ребёнка! Но ты не могла её родить! Никак! Потому что у Виталины группа крови четвёртая!

– И что? – не сдаюсь, цепляясь за призрачную надежду. – Вы же не знаете, какая группа крови у её отца.

– Да видишь ли, Евгения, – Спасский склоняет голову набок, – какая бы группа крови ни была у её отца, с твоей первой невозможна комбинация, чтобы у ребёнка была четвёртая. Вообще невозможна. В разных сочетаниях могла бы быть первая, вторая или третья. Но не четвёртая. Это даже не первый курс медицинского университета. Это любой старшеклассник тебе скажет.

– У меня в школе генетики не было, – шепчу на автомате.

– Оно и видно, – зло усмехается врач. – Хотя подделать такое ты бы при всём желании не смогла. Ну так что?

– Что? – смотрю на него сквозь какую-то пелену на глазах.

– Я жду. Правду, Евгения Витальевна Иванова. Если это, конечно, твоё имя, – издевательски продолжает мужчина. – Как, кстати, настоящее имя девочки?

– Виталина – её настоящее имя, – шепчу, качая головой. – Всё настоящее. Вы... не правы...

– Так, значит, – Спасский снова прищуривается, а затем отворачивается, собираясь выйти из палаты. – Я не прав. Ну что ж, остальное расскажешь полиции!

– Нет!!! – дёргаюсь вперёд, потеряв равновесие, падаю на колени, вцепляюсь в край его халата. – Нет, я умоляю! Не надо полицию!

– Мама! – Вита, которая всё это время тихонько сидела на постели, не привлекая внимания, слезает, бежит ко мне, и я обхватываю девочку руками, прижимаю к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.